
ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

ББК 60.542.2

С. Г. Айвазова

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЦИКЛА ПАРЛАМЕНТСКИХ И ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2011—2012 гг.

Ни один из циклов парламентских и президентских выборов, состоявшихся в последние два десятилетия, не вызывал таких ожесточенных споров — вплоть до оспаривания их итогов и массовых акций протеста, как выборы 2011—2012 гг. Участники дискуссий обращали внимание на массу деталей и обстоятельств этого избирательного цикла. Но очень редко принимали в расчет гендерные особенности политических предпочтений россиян. Между тем наши многолетние исследования [1] позволяют утверждать, что это — один из основных факторов, определяющих исход голосования как на парламентских, так и на президентских выборах в России. И последний избирательный цикл подтвердил этот вывод.

Прежде чем подкрепить данное утверждение эмпирикой, остановимся на вопросе о том, как в принципе формируются эти особенности, чем они объясняются и зачем их нужно принимать в расчет. Известно, что явные расхождения в гражданских позициях и политическом поведении мужчин и женщин, а также несовпадения в их общественно-политических взглядах, убеждениях, ценностях, предпочтениях — это не специфика России, это явление, свойственное определенному этапу развития демократии. Современная политология изучает его, используя понятие «гендерные разрывы».

Возникновение гендерных разрывов обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что практически повсеместно женщины получили право голоса намного позже, чем мужчины. А получив такое право, довольно долго «учились» им пользоваться: привыкали ходить на выборы, самоопределяться в отношении «своего» кандидата, «своей» партии, голосовать в соответствии со своими интересами и т. д. Исследователи справедливо обращают внимание на тот факт, что сразу же после получения избирательного права возможность проголосовать, как правило, использовали не больше трети избирательниц. Вплоть до наших дней «во многих странах мира в выборах участвует меньше женщин, чем мужчин, хотя кое-где эти различия почти полностью исчезли» [2, с. 309].

Первые проявления избирательной активности женщин свидетельствовали о том, что их выбор отличался большим консерватизмом, чем выбор мужчин. Спустя десятилетия этот выбор стал более сложным, разнообразным. В западных странах работающие женщины зачастую отдают предпочтение партиям левой — социал-демократической — ориентации, поскольку эти партии в своих программах и правительственных курсах чаще других обращают внимание на женскую «повестку дня», активнее помогают женщинам включаться в общественную жизнь, делать политическую карьеру. История доказала, что показатели гендерных разрывов во многом определяются гендерной чувствительностью национального законодательства, особенностями политической культуры, направлением общественно-политического развития той или иной страны. Один из крупнейших авторитетов социологии Р. Инглхарт справедливо отмечал, что «различиям по полу при исследованиях электорального поведения не придается такого значения, как различиям классовым или религиозным. Однако они являются одним из факторов, всерьез влияющих на электоральную основу партийной политики» [11, р. 4].

В России гендерные разрывы в поведении и убеждениях наших сограждан остаются весьма существенными. Они являются отражением, во-первых, крайней противоречивости как официальных, так и массовых представлений о гендерном гражданстве [5], во-вторых — неравной интеграции мужчин и женщин в различные сферы социума, включая сферы политической и гражданской активности. Гендерные разрывы по-своему четко демонстрируют тесную связь позиций власти с маскулинностью, т. е. гендерной асимметрией, которая, в свою очередь, является знаком традиционализма (или неотрадиционализма), препятствующего развитию демократических институтов.

Чтобы подтвердить этот тезис, сошлемся только на три весьма значимых факта, хотя таких — великое множество. Первый: списки кандидатов в депутаты практически всех политических партий Российской Федерации на парламентских выборах в последние 20 лет на 80—90 % были заполнены мужскими именами и соответственно в итоге кандидаты-мужчины получали примерно столько же депутатских мандатов. Второй: женщины, претендующие на соискание поста президента в Российской Федерации, являются исключением из правил и не рассматриваются всерьез ни их соперниками-мужчинами, ни избирателями. Третий: лидерами практически всех реально действующих российских политических партий являются мужчины; они же возглавляют фракции российского парламента и др. [1].

С институциональной точки зрения эти факты свидетельствуют о том, что в гендерном аспекте российские общественно-политические практики явно расходятся с наличными политико-правовыми нормами, в частности с положениями о гендерном равноправии, закрепленными в Конституции РФ, в действующем законе «О политических партиях», в избирательном законодательстве. Российское законодательство, в принципе, учитывает международные стандарты гендерного равноправия, которое теоретически может быть защищено с помощью судебных инстанций. Формальные институты предусматривают, что любой российский гражданин, любая гражданка вправе рассчитывать на поддержку правосудия в случае, если столкнется с неравенством жизненных шансов, дис-

криминацией по признаку пола, в том числе и в поле политики. А лицо, которое спровоцировало эту ситуацию, может понести достаточно серьезное уголовное наказание. Однако в реальности институт гендера, сконструированный российским правом в его современной интерпретации, т. е. как равенство прав и возможностей, остается фактически невостребованным не только при построении политических карьер и включении в политическую элиту, но и в идеологической деятельности политических партий, публичных политиков. Последние зачастую пренебрегают дискурсом равноправия и используют вместо него неотрадиционалистские гендерные стереотипы, которые в интенции выводят (исключают) женщин за границы гражданственности [8]. Это значит, что механизмы воспроизводства гендерной асимметрии в публичном пространстве оказываются более мощными, изошренными и малозаметными, чем предусмотренные возможности правовой защиты от нее. Вследствие чего явная гендерная рассогласованность становится характерным свойством российского властного порядка.

Теперь о том, как действовали эти механизмы на парламентских и президентских выборах 2011—2012 гг. Начнем с того, как воспроизводилась гендерная асимметрия при реализации пассивного избирательного права. На парламентские выборы партии, участвовавшие в этой кампании, представили списки, в которых в общем числе кандидатов содержалось от 15 до 20 % женщин. Только у партии «Яблоко» эта планка была немногим выше — 24 % [7]. В итоге избранными в парламент оказались 62 женщины, что составило около 13 % от общего числа депутатов Государственной думы шестого созыва (450 мандатов). При этом «Единая Россия», получившая на выборах 238 депутатских мест, обеспечила мандатами депутатов 43 женщины (17 % мандатов); КПРФ, получившая 92 места, — 4 женщины (5 % мандатов); «Справедливая Россия», получившая 64 места, — 10 женщин (16 % мандатов); ЛДПР, получившая 56 мест, — 5 женщин (9 % мандатов). В высшем руководстве Государственной думы — ее председатель и два первых заместителя — представлены только мужчины; в числе просто заместителей председателя — 1 женщина (Л. Швецова, «Единая Россия») и 5 мужчин. Среди официальных руководителей фракций женщин нет. В числе руководителей 29 Комитетов Государственной думы РФ 4 женщины: 2 — представительницы «Единой России» (Н. Бурыкина, И. Яровая), две — представительницы «Справедливой России» (Е. Мизулина, Г. Хованская) [3].

На президентских выборах в марте 2012 г. в числе соискателей поста президента была одна женщина — Светлана Пеунова, общественная деятельница из Самары с довольно туманной биографией. Но она не набрала нужной поддержки избирателей еще на предварительной стадии кампании — при сборе подписей, необходимых для выдвижения на этот пост [9]. В бюллетенях, розданных избирателям при выборах на высший российский государственный пост — пост президента РФ, оказалось пять мужских имен.

Эти показатели гендерной асимметрии при реализации пассивного избирательного права, на наш взгляд, находятся в прямой корреляции с тем, как осуществляется и активное избирательное право, т. е. с тем, как ведут себя на выборах федерального уровня избиратели — мужчины и женщины. Посмотрим на особенности их поведения. Основу для нашего анализа составили данные,

полученные фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в ходе специальных опросов по этой теме.

Один из таких опросов был проведен спустя неделю после парламентских выборов и как бы подвел их итоги [10]. Опираясь на его показатели, прежде всего попытаемся выяснить, справедливо ли уже сложившееся суждение о том, что женщины в нашей стране являются более дисциплинированными избирателями, чем мужчины, и подтвердилось ли оно на этих выборах.

Выяснению различий в уровне электоральной активности женщин и мужчин был посвящен следующий вопрос ФОМ: «*В воскресенье, 4 декабря, прошли выборы в Госдуму РФ. Вы участвовали или не участвовали 4 декабря в выборах депутатов Государственной думы?*» Ответ «да» выбрали 66 % женщин и 62 % мужчин. Для сравнения отметим, что, по данным того же фонда «Общественное мнение», о своем участии в парламентских выборах 2007 г. заявили 68 % женщин и 58 % мужчин. Очевидно, что и в том и в другом случае электоральная активность женщин превышала активность мужчин. Однако последние парламентские выборы явно сократили гендерный разрыв в показателях явки мужчин и женщин на избирательные участки. Возросшая электоральная активность мужчин, похоже, была ответом на обострившееся в канун выборов политическое противостояние.

Как же распределились политические предпочтения тех и других? Об этом позволяют судить ответы респондентов на следующий вопрос: «*Если это не секрет, скажите, пожалуйста, за какую партию Вы проголосовали?*» (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов	Мужчины, %	Женщины, %
	45	55
«Справедливая Россия»	7	8
ЛДПР	11	8
«Патриоты России»	0	0
КПРФ	14	11
«Яблоко»	2	2
«Единая Россия»	20	30
«Правое дело»	0	0
Не дали ответа	38	34
Другое (испортили бюллетени и пр.)	8	7

Совершенно очевидно, что женщины оказали гораздо более значимую поддержку партии власти, чем мужчины: 30 % женщин против 20 % мужчин. В свою очередь, мужчины в целом скорее поддержали оппозиционные партии, чем партию власти: 34 % мужчин против 20 % женщин. И это — устойчивые тенденции. На парламентских выборах 2007 г. гендерный разрыв в голосовании за партию власти был даже более значимым: он составлял 15 п. п. (с перевесом женщин). Гендерный разрыв в голосовании за оппозиционные партии составлял 3 п. п. (с перевесом мужчин) [1, с. 130—131]. Эти сохраняющиеся от одних парламентских выборов до других гендерные разрывы свидетельствуют о более критическом характере голосования у мужчин и более конформистском у женщин.

Насколько очевидными были те же тенденции при голосовании на президентских выборах 4 марта 2012 г.? Чтобы понять это, снова обратимся к опросу фонда «Общественное мнение», проведенному сразу же после этих выборов [10]. Опрос показал, что в выборах участвовали 66 % мужчин и 73 % женщин, имеющих право голоса. Этот гендерный разрыв в 7 п. п. подтвердил большую склонность мужчин к абсентеизму (сознательному уклонению) в тех случаях, когда исход выборов как бы заранее предreshен. В свою очередь, ответы на вопрос: «За кого из кандидатов Вы проголосовали на выборах президента России?» — стали дополнительным свидетельством в пользу сделанного ранее вывода о повышенном конформизме женского выбора и более критичном выборе мужчин (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов	Мужчины, %	Женщины, %
	45	55
В. Жириновский	6	3
Г. Зюганов	10	7
С. Миронов	2	2
М. Прохоров	6	5
В. Путин	33	48
Нет ответа	34	27
Другое (испортили бюллетени и пр.)	9	8

Гендерные разрывы в ответах респондентов и в этом случае проявляются совершенно отчетливо. И самым значимым из них является разрыв в голосовании мужчин и женщин за кандидата партии власти. Он составляет 15 п. п. (перевес женщин). Одновременно разрыв в голосовании мужчин и женщин за прочих кандидатов составляет 7 п. п. (перевес мужчин).

На президентских выборах 2008 г. гендерный разрыв в поддержке кандидата от партии власти Д. Медведева составлял 14 % (перевес женщин). Характерно, что Д. Медведеву отдали свои голоса больше половины избирательниц и меньше половины избирателей. В то же время за его основных соперников Г. Зюганова и В. Жириновского в совокупности проголосовали 20 % мужчин против 14 % женщин. Уровень поддержки Г. Зюганова со стороны мужчин и женщин был примерно равным. За В. Жириновского голосовало вдвое больше мужчин, чем женщин [1, с. 142].

Насколько осознанно, не спонтанно, делают свой выбор мужчины и женщины? Попробуем разобраться в этом, используя данные, полученные в ходе опроса, проведенного в период подготовки этого цикла выборов — в 2009 г. Опрос проводился коллективом исследователей Института социологии РАН под руководством С. В. Патрушева в августе 2009 г. в рамках проекта «Гражданское участие в меняющихся политико-институциональных условиях России: проблемы и перспективы» [4]. В числе прочего в ходе этого опроса была предпринята попытка определить характер женского и мужского голосования. Для анализа были выбраны ответы респондентов на несколько перекрестных вопросов по поводу их явки на выборы разных уровней. В результате сложилась такая картина:

— на общероссийские выборы «всегда ходят» 44 % мужчин и 53 % женщин, «иногда» — 36 % мужчин и 31 % женщин, «никогда» — 19 % мужчин и 14 % женщин;

— в региональных выборах «всегда» участвуют 39 % мужчин и 45 % женщин, «никогда» — 26 % мужчин и 18 % женщин;

— на местных выборах «всегда» голосуют 36 % мужчин и 47 % женщин, «никогда» — 26 % мужчин и 17 % женщин.

Значимо и то, что 39 % мужчин и 53 % женщин «точно знают, что будут голосовать на следующих выборах в Государственную думу» (гендерный разрыв — 14 п. п.). «Затрудняются» подтвердить свое участие в следующих парламентских выборах 31 % мужчин и 16 % женщин (гендерный разрыв — 15 п. п.). О своей уверенности по поводу участия в предстоящих президентских выборах заявили 46 % мужчин и 60 % женщин. «Затруднились» подтвердить это участие 30 % мужчин и 15 % женщин (гендерные разрывы — 14—15 п. п.).

Эти данные отчетливо обнаруживают, что голосование большинства женщин является, похоже, не столько актом сознательного выбора, сколько привычной, рутинной практикой — чем-то вроде дисциплинированного «послушания старшим». Мужские ответы, в свою очередь, скорее свидетельствуют о сознательном уклонении некоторой части избирателей от участия в практиках, которые представляются им либо сомнительными, либо незначимыми для их собственной жизни.

Как показал этот опрос, и тот и другой случай обозначают некоторые особенности гражданской компетентности мужчин и женщин. Эти особенности достаточно четко проявляются, например, в их осведомленности о проблемах политики. В ходе того же опроса респондентам был задан вопрос: «Насколько Вы интересуетесь политикой?» В ответах на него 23 % мужчин и 9 % женщин заявили, что «очень интересуются» ею, 19 % мужчин и 14 % женщин — «интересуются политикой», 46 % мужчин и 58 % женщин — «скорее не интересуются» политикой, около 10 % мужчин и 16 % женщин — политикой «совсем не интересуются». Иными словами, больше половины мужчин и практически две трети женщин считают политику «не интересной» для себя сферой.

Кроме того, женщины проявляют явно меньшую заинтересованность в участии в политических формах гражданской активности, чем мужчины. Только 7,5 % женщин против 17 % мужчин заявили о том, что они являются участниками политических клубов или движений. Активистами политических движений объявили себя 11,5 % мужчин и 5 % женщин. А членами политического клуба — около 6 % мужчин и чуть больше 2 % женщин. К членам политической партии отнесли себя около 10 % мужчин и 6,6 % женщин. Такой низкий уровень политической ангажированности респондентов — и мужчин и женщин, на наш взгляд, во многом обусловлен тем, что большинство наших сограждан, включая граждански активных, не признают «своими» действующие политические партии, т. е. не находят в поле политики выразителей и защитников «своих» интересов.

О том, что в России нет политических партий, действующих в их интересах, в ходе данного опроса заявили 40 % мужчин и 33 % женщин. В то же время «затруднились с ответом» 36 % мужчин и 45 % женщин. В том, что такие

партии есть, убеждены, в свою очередь, 24 % мужчин и 22 % женщин. Характерно, что на вопрос: «Если такие партии есть, то задумывались ли Вы о возможности стать членом такой партии?» — ответили «да» 15,4 % мужчин и 7,5 % женщин, «нет» — 59 % мужчин и 60 % женщин, «затруднились ответить» — 26 % мужчин и 33 % женщин.

Эти данные позволяют предположить, что явно меньшая политическая ангажированность женщин является еще и их реакцией на свою традиционную ситуацию «чужого» («другого») в поле политики, откуда их по-прежнему выталкивают на обочину, если и не исключая напрямую, то превращая в маргиналов. Женщины не находят в этом поле ни места для себя, ни выразителей своих интересов.

Такая их реакция дала о себе знать и в ответах на вопрос: «Что Вам не нравится в российских политических партиях?» Отвечая на него, мужчины (41 %) чаще женщин (32 %) делали акцент на том, что партии «защищают интересы только крупного капитала». Женщины же (18,4 %) чаще мужчин (около 14 %) обращали внимание на то, что партии «не защищают интересы простых людей». Чуть большему числу женщин (около 20,4 %), чем мужчин (18,9 %), не нравилось, что «лидеры решают все, а рядовые члены — ничего». Женщины (9 %) чаще мужчин (около 6 %) осуждали партии «за излишнюю оппозиционность». Мужчины (около 10 %) чаще женщин (около 7 %) — за то, что партии «не предлагают новых решений». Мужчины (2,7 %) чаще женщин (1,4 %) заявляли, что партии не выражают их взглядов.

Итак, мужчины делали акцент на «крупном капитале», на поиске «новых политических решений», необходимости «считаться» с их взглядами. Это — позиция лица, которое ощущает себя полноценным актором политического процесса. Апелляция женщин к «интересам простых людей», противопоставление «лидеры/рядовые члены» — все это знаки восприятия политического процесса со стороны такого актора, который продолжает чувствовать себя в политике отстраненным от формирования ее «повестки дня».

Возможно, эта отстраненность, а значит, незнание, непонимание того, как и что происходит на практике, предопределяет и известное безразличие женщин к процедурной стороне политического процесса. В частности, женщины (43 %) реже, чем мужчины (51 %), готовы поддержать политический плюрализм, многопартийность в России. Среди женщин ощутимо меньше тех, кто отрицательно относится к сокращению числа политических партий в стране в последнее десятилетие (31 % женщин и 41 % мужчин, гендерный разрыв — 10 п. п.). Среди них же оказалось меньше тех, кто недоволен тем фактом, что в парламенте страны действовала партия, контролировавшая абсолютное большинство голосов (49 % женщин и 63 % мужчин, гендерный разрыв — 14 п. п.).

Гражданская энергия мужчин с большей вероятностью перетекает в этих условиях в иные формы гражданского действия. Как показал данный опрос, мужчины чаще женщин готовы активно участвовать в митингах и демонстрациях протеста. Так, отвечая на вопрос: «Когда в Вашем городе, районе были митинги, демонстрации или другие выступления граждан в защиту экономических и социальных прав, против роста цен, падения уровня жизни, Вы лично принимали в них участие?», ответ «да» выбрали 30 % мужчин и 22 % женщин.

Ответ «нет» — 60 % мужчин и 67 % женщин. Гендерные разрывы — в первом случае 8 п. п., во втором — 7 п. п.

На близкий вопрос о личном участии «в митингах, демонстрациях или других выступлениях в защиту политических прав» наши респонденты дали следующие ответы: подтвердили свое личное участие 23 % мужчин и 15 % женщин; заявили, что «обычно не участвуют», 67 % мужчин и 74 % женщин. Гендерный разрыв, как и в первом случае, составил 7—8 п. п. Эти показатели свидетельствуют о том, что женщины чуть более лояльны к государству и его институтам и менее мужчин готовы к прямому гражданскому действию.

Эта особенность женского позиционирования проявилась и в ответах наших респондентов на вопрос: «При каких условиях Вы станете участвовать в таких выступлениях?» Самое большое количество женщин (18 % против 11 % мужчин) выбрали ответ: «Если акция будет хорошо организована, пройдет дисциплинированно». Следующее по массовости количество женских голосов получил ответ: «Если будет уверенность в собственной безопасности» (10 % против 6,7 % мужчин). Самое большое число мужчин предпочли ответ: «Если акция не будет организована властью» (19 % против 9 % женщин). Ответы «Если Вы доверяете лидерам, которые призывают к акции» выбрали 5 % мужчин против 3 % женщин, «Если Вы доверяете организациям, которые призывают к акции» — 6 % мужчин против 2 % женщин.

Значимый гендерный разрыв (10 п. п.) наблюдался и в ответе «Если акция не будет организована властью». Этот разрыв с очевидностью подтверждает наши заключения о большей критичности, оппозиционности мужчин по отношению к власти. Одновременно эти ответы выявляют большую осторожность, лояльность женщин по отношению к сложившемуся порядку, меньшее внимание с их стороны к вопросам организации протестных акций, которые скорее привычны для более массово и постоянно участвующих в них мужчин.

В подтверждение всей совокупности этих данных приведем показатели гендерного состава участников массового протестного митинга «За честные выборы», состоявшегося в Москве на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г. Согласно данным «Левада-центра», среди участников этого митинга было 60 % мужчин и 40 % женщин [6].

Сведя в этой статье воедино показатели, характеризующие особенности гендерных разрывов в отправлении пассивного и активного избирательного права, а также в гражданской компетентности мужчин и женщин, ее автор в очередной раз попыталась доказать, что слабая представленность, даже маргинальность, женщин в сфере политики имеет своим следствием воспроизводство не гражданской и демократической, а скорее «подданнической» политической культуры. Поскольку политика для большинства женщин остается совершенно чужой, далекой от их жизненных стратегий сферой, то их политическое поведение, как правило, оказывается продиктованным не столько рациональным выбором, сколько аффектом, повышенной склонностью к конформизму, нежеланием задумываться над тем, что происходит где-то вне пространства их повседневной жизни. Но ведь именно женщины, носительницы этой культуры, являются в России основными агентами социализации подрастающего поколе-

ния, и в процессе воспитания они неизбежно транслируют ему эти «подданные» нормы. Учитывая эти обстоятельства, можно с полным основанием утверждать, что гендерное неравенство в сфере политики в реальности является одним из самых существенных препятствий на пути демократической трансформации России.

Почему партии, считающие себя демократическими, не задают себе этих вопросов, хотя бы из прагматических соображений — в борьбе за голоса избирателей, понять сложно. Вероятно, логика мужского доминирования в этом случае перевешивает прагматику. Эта логика, по большому счету, оказывается более значимой при их политическом выборе, чем осознанная потребность учитывать и развивать принципы современной демократии, в том числе принцип равных возможностей для участия в политике всех граждан, независимо от пола, и рассматривать паритетное представительство женщин в структурах власти в качестве одного из индикаторов справедливости и равенства в обществе.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Российские выборы: гендерное прочтение. М. : Моск. учебники и Картолитогрфия, 2008. 440 с.
2. Гидденс Э. Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
3. Государственная дума РФ : сайт. URL: <http://www.duma.gov.ru/structure/leaders/vice-chairmans/> (дата обращения: 02.06.2012).
4. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / редкол.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М. : РАПН : РОССПЭН, 2011. 318 с.
5. Здравомыслова Е., Темкина А. Неотрадиционализм(ы) — трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 201—212.
6. Левада-центр : сайт. URL: <http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrya> (дата обращения: 26.05.2012).
7. Полит.ру : сайт. URL: <http://polit.ru/article/2011/12/01/spiskikandidatov/> (дата обращения: 02.06.2012).
8. Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
9. Сайт С. Пеуновой. URL: <http://svetlana.peunova.ru/> (дата обращения: 06.06.2012).
10. ФОМ : сайт. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom1512/d151201> (дата обращения: 26.05.2012).
11. Inglehart R., Norris P. The development theory of the gender gap: women and men's voting behavior in global perspective // Revised Version for the International Politics : Science Review : Special Issue on Women in Politics / Institute for Social Research ; University of Michigan. 1999. May, 15. P. 4—15.